

Дневник еврейской девочки

Вместо предисловия

Недавно я прочитала о спасение еврейской семьи из местечка Хиславичи Смоленской области в «Письме В.М. Сориной И.Г. Эренбургу». Рассказ женщины, переживший ужасы войны, сумевший выжить, так поразил меня, что я представила себя на месте её детей. Им было гораздо страшнее, ведь они были лишены не просто дома, они были лишены детства.

1941 год.

22 июня. Сегодня объявили войну. Очень страшно. Боюсь, что папу заберут на фронт. Что-то странное творится в посёлке. Бабушка кинулась в магазин за продуктами, а там уже была длиннющая очередь. Люди в панике. Женщины плачут, мужчины стали суровые, о чём-то спорят. Только соседские мальчишки с радостными криками бегают по улице: «Ура! Война!». Но мать быстро надавала им подзатыльников и заперла дома.

29 июня. Везде пожары. Бомбят по 5-6 раз в сутки. Наш дом сгорел. Очень боюсь. Идти некуда. Слышала, что мама собирается в посёлок, где мы будем жить у дальних родственников. Но папа остаётся.

10 июля. Папе пришла повестка, его забрали на фронт. Страшно. Завтра отправляемся и мы. В городе дальше быть опасно.

16 июля. Немцы вошли в посёлок, где мы временно остановились у маминых родственников. Похоже, что нам не очень рады. Теперь пишу реже. Боюсь, что отберут карандаш и дневник. Это единственное, что у меня есть.

1 августа. Мы перебрались жить в маленькую деревню к маминой двоюродной сестре. Сегодня громадный немец ворвался в хату и требовал яйца и картофель у мамы. Мама ничего не дала. За это её ударили. Немцы забирают всё. Уток, кур, гусей.

10 августа. Из посёлка приезжают немцы. Недавно убили несколько человек, ни за что – для потехи. Так они делают постоянно. Мне старшно.

31 августа. В деревне начали спрашивать, кто мы и откуда. По всем избам ходят карательные отряды и ищут евреев. Мама волнуется, что кто-то укажет на нас, но все молчат. Не снимаю платок. Мои волосы могут сразу меня выдать. Я очень похожа на папу. Брату не страшно, он меньше все похож на еврея. Он как мама – светловолосый.

1 декабря. Люди начали говорить, что выдадут нас. Я ничего не понимаю, мама ничего не говорит мне. Она всё больше молчит и плачет.

1942 год

5 февраля. Меня отправили к тётё. Прячусь в сарае. Когда приходят немцы, я лежу закутанная в одеяло. Тётя им говорит, что я тяжело больна. Это для того, чтобы не увидели моего смуглого лица.

10 февраля. Я, мама и моя сестра поздно вечером ушли в другую деревню. Брат остался у родственников. Идти было далеко, да ещё и мороз с метелью. Мы заплутали и оказались на кладбище. Там и отдохнули. Мы очень замёрзли. Всю дорогу от кладбища проплакала. Очень страшно. Вскоре дошли до какой-то бани. Её недавно топили. Там отогрелись, я с сестрой осталась, а мама пошла в деревню просить, чтобы нас приютили. Нас пустили в чей-то дом. Там было ещё 4 ребёнка.

17 февраля. Мы вернулись в Хиславичи к брату. Я думаю, что что нам не рады. Старуха хозяйка всегда придирается к маме. Мама молчит, старается меньше попадаться на глаза. Мне её очень жалко.

20 февраля. Мама решила, что мы должны уехать из этого дома. Она просила квартиру у местного учителя немецкого языка Ржецкого. Я поняла, что у мамы появились новые документы, по которым она должна получить квартиру и хлеб.

10 марта. Мы уехали. Теперь мы живём в школьном здании для учителей. Здание было новым, но немцы выбили окна, сожгли книги, карты. Мама заколотила окна. Мы помогли ей обустроить наше жилище. Из раздобытых старых досок сделали нары и стол. Жили далеко от людей. Ночью очень холодно. Да и днём завывает метель.

21 марта. К нам приходи учитель из посёлка. Он рассказал, что в посёлке всех евреев расстреляли. Маме стало плохо.

30 марта. Сегодня мама ходила в посёлок, а нас с сестрой оставила дома. Когда она вернулась, она была вся бледная. Видно было, что новости плохие. Она сказала, что в посёлке творится страшное – всех евреев расстреляли. Свалили убитых в яму и никого не подпускают. У нас в Хиславичах были родственники евреи, у отца была большая семья. О них мы ничего не знаем.

5 мая. Мои родственники из Захарино ещё живы. Полицейские их искали, но не нашли. Лизу, мою двоюродную сестру усердно прятали. Вскоре она совсем пропала. А родителей Лизы не нашли. Их расстреляли и их сына тоже.

17 июня. Мама начала проводить «уроки» для меня, моей сестры и брата. Она говорила, что мы евреи, и за это немцы нас хотят убить. Она говорила, чтобы мы говорили полицаям, что мы русские. Даже если нас будут бить, мы должны это твердить.

5 июля. Я очень мало пишу. Нет времени и боюсь, что отберут дневник. Из детей я самая старшая. В январе было 10 лет. Ночью мне сняться кошмары. Снится, что к школе едут немцы и хотят меня убить. Я подсакиваю и бегу к маме. Она меня успокаивает. В её объятиях так тепло и спокойно.

10 августа. Сегодня мама оставила нас в школе, а сама пошла в посёлок. Любопытные старухи из деревни задают нам много разных вопросов. Например, как зовут моего папу, как звали моего брата до войны. Но я всегда отвечаю им так, как учила мама.

22 августа. В деревне тиф. Женщины обращаются за помощью к маме. Она ходит больным, показывает, как за ними ухаживать. Люди начинают по-другому относиться к ней. Недавно к нам заглянула старушка – Ксения Фёдоровна. Она прямо спросила маму: «Вы еврейка?» мама ответила, что она чисто русская и показала документы. Думаю, он расскажет об этом соседям.

1943 год.

31 августа. Я очень долго не писала. Всю весну я помогала маме по хозяйству. Писать было почти некогда.

1 сентября. Пришёл приказ об открытии школы. Мама решила работать там учительницей. В нашей комнате учительская. Тут часто собираются учителя. Иногда у нас ночует Ксения Фёдоровна. Учителя часто поют советские песни.

13 сентября. По дороге мимо деревни шли немецкие войска. Говорят, что наши наступают, немцы отходят.

19 сентября. Немцы в Пыковке. Слышится стрельба. Люди, побросав дома, прячутся в ровках, в лесу. Говорят фронт рядом. Мы тоже ушли в лес. Мама боится, что мы не дождёмся прихода своих.

23 сентября. Немцы свирепствуют. Расстреливают прямо на улицах, в домах. Мы не выходим из леса. Очень хочется есть. Мама просит потерпеть. Сестрёнка тихо плачет. Сил нет.

27 сентября. Стало тихо. Немецкой речи не слышно. Впрочем, русской тоже... Наши, наши! Неужели выгнали фашистов? От счастья мы плакали. Какой-то

пожилой солдат угостил нас с сестрёнкой хлебом. Какой же он вкусный этот солдатский хлебный паек.

Пусть это не будет сном! Пусть закончатся наши мучения и страхи. Верю, теперь всё будет хорошо.